

1 А еще христиане придумали Инквизицию...

I.

Фраза, вынесенная в заголовок статьи, считается довольно сильным аргументом у любителей “позлить христиан”. Подразумевается, что одно упоминание Инквизиции способно выбить почву из-под ног защитников Церкви. Конечно, существует достаточно возражений, способных умерить пыл “обличителей”, но эта статья посвящена не апологии, а рефлексии, попытке понять, что представляет собой Инквизиция как явление, чем обусловлено ее возникновение, какие нравственные выводы мы можем сделать из событий, связанных с И..

На мой взгляд вся эта тема непосредственно связана с вопросом о необходимости строгой догматической чистоты учения для спасения души. Логика инквизитора довольно очевидна: если любое искажение ортодоксального христианского учения грозит вечной мукой тому, кто его усвоил, ересеучитель является “массовым убийцей душ”, и его необходимо остановить¹.

Поскольку речь идет о вечности, ставки чрезвычайно высоки. Дождаться покаяния от уверенного в своей правоте еретика — бесполезно и опасно. “Покаяние” лжеучителя может быть притворным, и, оказавшись на свободе, еретик вполне может приняться за старое. Отсюда следует логичный вывод: еретика лучше всего просто уничтожить, причем максимально показательным способом.

На Западе папы считали себя “гарантами веры” и потому брали на себя полноту ответственности за спасение паствы, вполне искренне пытаясь самостоятельно реализовать волю Божию (как она ими понималась). Эта попытка схватиться за меч и отстоять Господа перед лицом надвигающихся врагов, позора, уничтожения чрезвычайно соблазнительна, особенно для того, кто всей душой предан вере (срав. Мф. 26:51).

Такие попытки дорого обходятся Церкви, поскольку ни одна из них не забыта критиками христианства и постоянно используется для ее дискредитации.

II.

Исторически появление Инквизиции связано с распространением

¹“Зри, что глаголетъ, иже не токмо телеса губит? Се глаголетъ не о убийцах, ниже разбойничества и обиды творящихъ, иже точию тѣло губять, а иже глаголетъ: «Не точию тѣло губят, но и душу губять», се глаголетъ о еретицехъ и о отступницехъ: сии бо с тѣломъ душу губят, еретическими учении прельщающе православныя”. Прп. Иосиф Волоцкий, “Слово на ересь новгородских еретиков”.

ересей кафаров и вальденсов на юге Европы. Первые достаточно далеко ушли от традиционного христианства, заимствовав элементы учения у гностиков (вплоть до представлений о существовании доброго и злого богов). Вторые же были “первыми ласточками” протестантизма и отличались подчеркнуто серьезным отношением к Священному Писанию. Обе группы объединяло повышенное внимание к нравственному облику своих учителей и отвержением официальной церковной иерархии.

По мнению некоторых исследователей именно реформа, затеянная папой Григорием VII и направленная на исправление недостатков церковной жизни, привела к тому, что многие верующие перестали ограничивать свое участие в жизни Ц. только обрядовой стороной и начали уделять пристальное внимание христианской этике. При этом жизнь духовенства и монашества в X-XI веке, к сожалению, не соответствовала Евангельским нормам, что приводило к разочарованию многих мирян в католичестве. В этот момент на сцену выходят проповедники неортодоксальных взглядов, жизнь которых была внешне безупречной. Так кафарские perfecti принимали обет безбрачия, отрекались от имущества, кроме самого необходимого, вели страннический образ жизни.

Папские отлучения, постановления соборов, попытки епископов справиться с распространением ереси своими силами, даже двадцатилетняя военная кампания², направленная на подавление сопротивления еретиков в Южной Франции, не принесли желаемых результатов. Основой для распространения и сохранения этого учения были семейные, дружеские связи, поэтому военное поражение кафаров не означало распада их “горизонтальной” общинной структуры.

Другим важнейшим фактором, как уже говорилось, была недостойная жизнь католических клириков и монашествующих. Об этом свидетельствуют многие источники, в том числе протоколы допросов лиц, обвиняемых в ереси. Положение стало исправляться с появлением “нищенствующих орденов”, — францисканского и доминиканского. Кроме подражания Евангельским образцам нестяжания и благотворительности, многие монахи стали странствующими проповедниками, убеждавшими крестьян вернуться к традиционному христианству.

Впрочем, их действия не ограничились только проповедью. Именно доминиканцы стали инициаторами многих процессов над еретиками, занимались исследованием “горизонтальных

²Альбигойский крестовый поход (1209-1229).

связей”, выявлением ересеучителей, кафарских “совершенных” и передач их гражданским властям для заключения под стражу, или казни.

Нужно признать, что методы инквизиторов были, в некотором роде, успешны. В течение небольшого времени им удалось серьезно ослабить кафаров и вальденсов. Опасность превращения юга Европы в нехристианский анклав действительно была устранена.

III.

Почему же ересь оказалась привлекательной для людей, ранее считавших себя правоверными католиками? В учении кафаров не было жесткого догматизма, вечной муки, пугающих санкций за самые малые проступки, необходимости каяться и возмещать свои “грехи” материальными пожертвованиями в пользу церкви (практика индульгенций).

В кафарской доктрине отсутствовало сложное учение о Троице, о Боговоплощении, о предопределении, о системе сверхдолжных заслуг. С другой стороны, примитивный дуализм кафарства был вполне понятен крестьянам: добрый бог помогает простым труженикам, “добрым людям” (самоназвание кафаров). Злой бог, источник лжи и насилия, всеми силами борется с добрым (разумеется, кафары считали, что Католическая церковь — на темной стороне).

У кафаров не было продолжительных церковных служб, правил, постов. Главным “таинством” еретиков было “Consolamentum”, достаточно простое по форме действие, заменявшее христианское Крещение³. У кафаров не существовало жесткого надзора за религиозной жизнью членов кафарских общин, попыток ее контролировать, отсутствовала жесткая иерархия, характерной для Католической церкви. Как уже говорилось, важнейшим аргументом в пользу ереси была строгая жизнь “посвященных”, которая проходила на глазах у простых людей, в повседневности.

Распространению ереси также способствовало появление около XII в. нелегальных народных переводов Священного Писания с латинского и небольших сообществ мирян, собиравшихся для чтения Библии на родном языке⁴. Кафары боролись с Церковью,

³ Оно заменяло христианское Крещение и заключалось в тройном благословении, чтении молитвы “Отче наш”, отрывка из Евангелия (Ин. 1:1-17) и возложения рук посвященных. Простые кафары стремились стать участниками Consolamentum перед смертью, так как считалось, что в этом “таинстве” прощаются все грехи.

⁴ Использование родного языка давало кафарам явное преимущество перед

используя Евангелие (и Св. Писание в Целом) в качестве оружия, часто применяя примитивные спекуляции, буквальное прочтение метафор, искажением смысла высказываний.

Интересно, что та же черта проявляется уже в XV веке на Руси. По этой причине в Великом Новгороде архиепископу Геннадию пришлось инициировать большой проект по созданию полного корпуса библейских книг для противостояния ереси жидовствующих, которые так же как и европейские кафары и вальденсы использовали Писание для атак на Церковь⁵.

IV.

К сожалению, литературная и переводческая деятельность, наряду с проповедью ортодоксии не стали единственными средствами борьбы с ересями в Московском царстве.

Как известно, в XV веке спор иосифлян с нестяжателями касался не только монастырского землевладения, но и методов борьбы с ересью жидовствующих. Несколько раз суд над еретиками заканчивался заключением их под стражу (и последующую кончину из-за невыносимых условий заключения), или сожжение в срубе.

Важным памятником, отразившим разразившуюся полемику стал "Просветитель" прп. Иосифа Волоцкого. Важно отметить, что среди цитат из Священного Писания, приведенных Волоцким игуменом, преобладают ветхозаветные тексты. Особое внимание автора привлекло уничтожение Моисеем евреев, отливших золотого тельца, истребление населения ханаанских городов Иисусом Навином, заклание прор. Илией 400 языческих пророков. На мой взгляд использование ссылок, главным образом, на Ветхий Завет, — устойчивый признак, характерный для сторонников "жестких мер" в отношении инакомыслящих. И это не случайно.

Оппоненты Иосифа, т.н. кирилловские старцы, приводили ряд цитат из Евангелия и Посланий, указывая на христианские милосердие и долготерпение, как характерные черты новозаветной этики и призывали к милосердию и терпению в отношении еретиков.

Пытаясь отклонить эти возражения, Волоцкий игумен приводит хрестоматийный пример из Деяний св. Апостолов, где

католиками, читавшими Писание на латыни.

⁵Интересно, что в том, как было поставлено дело борьбы с еретиками в Новгороде чувствуется влияние католицизма. Так, в переводе некоторых библейских текстов с латинского участвовал доминиканец Вениамин, а характер гражданской казни жидовствующих, осужденных собором, напоминает практики западной инквизиции.

описывается смерть Анании и его жены Сапфиры, солгавших Св. Духу и утаивших часть проданного имения (Деян. 5:1-11). По мнению Иосифа ап. Петр фактически убивает этих людей (“сотвори их издохнуша”, “словом и силою, данную им от Святого Духа, смерти предаст”). Однако, внимательное прочтение данного эпизода показывает, что ап. Петр лишь открывает перед всеми обман Анании и Сапфиры и предсказывает их смерть. Апостол не произносит никаких слов, которые были бы “триггером” божественной казни, магическим заклятием, или формулой отлучения. Казнь грешников совершается Богом, а Петр выступает как возвеститель Божественного Суда.

Кроме Писания, Волоцкий игумен ссылается также на текст, приписываемый св. Иоанну Златоусту, где говорится о пастухах (христианских епископах и священниках), которые не обращают особого внимания на волков (еретиков), пока они не покушаются на стадо (простых христиан). Однако, как только возникает опасность, пастырь берет в руки пращу и посох и употребляет их для защиты овец. В этом образе Иосиф усматривает основание для физического устранения еретиков⁶.

Ощущая сложность использования эпизодов “божественной казни” для подтверждения правильности своих взглядов, автор “Просветителя” старается доказать, что казнь с помощью оружия равнозначна казни Божией, совершенной по молитве праведника, что выгладит, мягко говоря, натянуто.

С точки зрения сторонника жесткой линии Церковь все же не должна принимать активное участие в наказании еретиков. Для этой цели ортодоксальные христиане как Запада, так и Востока, привлекали государство. Отстаивая необходимость “предания еретиков градским властям” автор “Просветителя”, Волоцкий игумен, приводит в пример св. Льва Катанского, который согласно житию для демонстрации истинности своей веры, связав еретика епитрахилью, вошел вместе с ним в огонь костра. При этом сам святитель остался невредим, а еретик сгорел⁷. В этом и других подобных эпизодах Волоцкий игумен видел подтверждение правильности своей позиции: еретиков, даже покаявшихся, следует предавать для заключения и казни

⁶К счастью, Волоцкий игумен не был знаком с сочинениями блж. Августина, и, в особенности, с его истолкованием притчи о пшенице и плевелах, которое стало одним из оснований Инквизиции на Западе.

⁷“Тако же святыи Лев, епископ катанскый, Лиодора еретика преже не осуди на смерть. Но егда видѣ его пришедша къ церкви, нѣкоторыя мечтания творяше, яко да благочестующая прельститъ, онъ же изыде изъ церквы и сотвори Лиодора огнемъ сожжена быти, и паки вниде въ церковь и соверши божественную службу”. Там же.

(в т.ч. через сожжение) “градским властям”.

На это в заочной полемике ему довольно запальчиво возражают “кирилловские старцы”, представители движения нестяжателей. Смысл их ответа в том, что к грешникам необходимо проявлять евангельское милосердие, а самому Иосифу для большей убедительности его речей неплохо было бы продемонстрировать силу молитвы, подобную той, которой обладал Лев Катанский⁸.

Этот эпизод выглядел бы занятным примером эпистолярного красноречия, если бы историческим контекстом этой полемики не было реальное сожжение людей по обвинению в ереси (казнь Ивана Курицына, Ивана Максимова, Дмитрия Пустосёлова в 1504г. и других).

Можно сколь угодно долго рассуждать о политической подоплеке произошедших в нач. XVI века расправ, но официальным обвинением казненных (выдвигавшимся впоследствии и против прпп. Максима Грека, Дионисия Радонежского) была именно ересь. Следовательно, совершившаяся расправа должна рассматриваться именно как результат религиозного рвения иосифлян⁹, сближавшего их с европейскими инквизиторами.

Вновь костры запылали на Руси уже в XVII веке, во время гонений на старообрядцев. Так, участники Московского собора (1681-82) под председательством патр. Иоакима просят царя судить старообрядцев как государственных преступников. Воплощением этих пожеланий становятся знаменитый своей жестокостью указ царевны Софьи, т.н. “Двенадцать статей” (1685), по которому множество старообрядцев было подвергнуто пыткам, замучено в застенках и сожжено живьем¹⁰.

Это гонение на инакомыслящих демонстрирует характерные признаки прежнего гонения на жидовствующих (розыск, отлучение, предание “градским властям”, сожжение в срубе). Все эти события, без сомнения, являются ужасным наследием иосифлянства.

⁸“А Левъ, господине, катанский епископ, Леодора волхва петрахилью связал и созже, и другаго волхва Сидора такоже молитвою созже при гречестем цари. И ты, господине Осифе, почто не испытаешь своей святости? Не связал Касиана архимандрита своею мантиею, донележе бы он сгорѣлъ, а ты бы въ пламени его связал держалъ! И мы бы тебя, яко единого от трех отрок, из пламени, изшедша, приняли”. Ответ Кирилловских старцев.

⁹Так называли учеников и последователей Иосифа Волоцкого. Крайности их позиции и жесткость их действий стали причиной, по которой кн. Андрей Курбский называет их “презлыми иосифлянами”.

¹⁰“...и которые с пыток учнут в том стоять упорно ж, а покорения святой Церкви не принесут, и таких, за такую ересь, по трикратному у казни допросу, буде не покорятся, жечь в срубе и пепел развеять” (<https://ru.wikipedia.org>, “Двенадцать статей царевны Софьи” (дата обращения: 12.05.2020)).

1.0.1 Заключение.

В данной статье я довольно подробно рассмотрел позицию прп. Иосифа Волоцкого и это не случайно. В свете сказанного яснее проявляются изменения, произошедшие в сознании христиан за прошедшие века. Ведь характерным моментом древней полемики было то, что обе стороны (даже очень либеральный по тем временам князь-инок Вассиан Патрикеев) считали, что *казнить еретиков необходимо*. Различие заключалось лишь в том, нужно ли казнить уже раскаявшихся религиозных преступников.

Важнейшим моментом является непоследовательность наших сегодняшних взглядов. Мы не готовы согласиться с радикализмом инквизиторов, потому что в душе не вполне разделяем их уверенность в “необходимом догматизме”. Конечно, догматы важны для спасения души, но... казнить человека за то, что он неправильно учит о вере как-то...

Возможно, определяющим моментом здесь является вопрос о реальности вечных мук. Инквизиторы были **убеждены** в их реальности. Можно сказать, что они чувствовали жар геенского огня, ожидавшего отступников от правой веры. Эта актуальность геенны вынуждала их действовать жестко и беспощадно.

Рискну предположить, что даже среди тех современных священников и мирян, которые настроены резко против учения о всеобщем спасении, есть те, кто внутренне резервируют возможность такого спасения. Я называю это скрытым оптимизмом. Если ересеучители не являются массовыми убийцами душ, незачем прилагать усилия по их устранению или нейтрализации.

Итак, инквизиторы отличались тем, что последовательно проводили ортодоксальную мысль и соединяли ее с деятельной позицией пастырей, охраняющих христианское стадо от еретических волков. “Взять промысл в свои руки”. Самонадеянность “я знаю, как должно быть”.

Наконец третья причина: большинство фундаменталистов не готовы взять на себя роль “осуществителей божественного промысла”. А это нельзя охарактеризовать иначе, как недостаточную фундаментальность фундаменталистов.

Итак, с точки зрения последовательного сторонника “необходимого догматизма”, цели и методы И. — абсолютно оправданы и действенны. Поэтому в последнее время, когда я слышу высказывания в духе христианского фундаментализма, обычно

задаю вопрос: Вы согласны с необходимостью казни еретиков? Чаще всего ответом является либо молчание, либо попытки уйти от ответа. К счастью, сегодня огромное большинство клириков и мирян уже не готово идти до конца в своем догматизме. Еще несколько веков назад дело обстояло иначе.

Отбросить “чуждый христианству гуманизм” и вернуться к сиянию раскаленной веры, сжигающей скверну, чуждой сомнений... Второй путь — адогматизм, оригенизм, попустительство греху. Мучительный поиск христианского гуманизма, не поступающегося истинами веры, но способного видеть Промысл в существовании оппозиции, несогласных. Способных смиренно признавать несовершенство собственной жизни (не являющейся достаточным примером праведности, чтобы обратить сегодняшних “кафаров” от их заблуждений). Необходимость своего исправления. Сочувствие инакомыслящему, тому, кто считает, что нашел Истину, потому, что сам не считает, что вполне и полностью постиг Ее.

Слабость нашей веры, жизни, приводят к радикализму, к попытке возместить недостаток чистоты, внутренней цельности, веры резкостью суждений и действий, внешней фанатичностью. Как будто Бог не видит внутреннюю расслабленность, цинизм и недостаток веры в Промысл.

При этом существует светский кодекс законов, определяющих преступления и наказание за них. Для того, чтобы государство сделалось орудием расправы с еретиками, необходимо, чтобы оно рассматривало религиозные взгляды граждан как предмет своих прямых интересов, как предмет действия законодательства. Очевидно, большинство “инквизиторов” не до конца понимают все возможные последствия такой “симфонии”. Например, вполне вероятен перехват инициативы в определении сущности религиозного преступления самим государством. И уже ортодоксы могут оказаться под ударом религиозных законов в тех случаях, когда их собственные убеждения противоречат государственным определениям законного. Перед нами раскрываются широчайшие перспективы тотального контроля за взглядами отдельных людей, уничтожение гражданских и личных свобод, свободы совести.

Сращивание с Государством также не сулит ничего хорошего. Церковь перенимает многие атрибуты государственной власти, жесткую иерархичность и даже коррумпированность. Простые люди начинают воспринимать ее как одно из государственных ведомств.

IV.

Все вышесказанное не означает, что мы должны равнодушно относиться к вопросам исповедания веры. Речь о методах, которые мы используем, отстаивая свою правоту. Не является ли обращение Церкви к грубой силе свидетельством слабости позиции? В нашем распоряжении есть сила слова. Евангельская истина, звучащая из уст благочестивого проповедника — сильнее пушек и Инквизиции. Неужели мы уже не верим в это?

Следует ли вообще принимать помощь гражданских властей, желающих помочь Церкви в ее борьбе за чистоту веры? Возможно, этот вопрос вскоре станет бессмысленным, но я все же попробую порассуждать на эту тему.

Какими соображениями руководствуется власть, предоставляющая такую помощь? На какой ответ Церкви она рассчитывает? Не влечет ли эта помощь за собой требование лояльности ко всему, что предпринимает эта самая власть, и, таким образом, к утрате Церковью доверия, авторитета у обычных людей, не связанных с властью?

Применение насилия в отношении инакомыслящих может и должно бумерангом ударить по самой Церкви. Не только в результате смены политической конъюнктуры и прихода к власти людей, не пылающих любовью к Православию. Репрессии оставляют за собой след, от которого уже не избавишься. Эти действия, связанные с насилием, тяжелым бременем ложится на церковное самосознание, лишает проповедь дерзновения.

Бог никому не делегировал Свое право давать и отнимать жизнь. Приемший меч...

Кратко изложим аргументы против преследования по религиозному признаку:

1. Такие преследования противоречат учению Евангелия о любви к ближнему
2. Святоотеческая традиция знает примеры разного отношения к заблуждающимся.
3. Они противоречат общепринятому представлению о свободе совести, как неотъемлемому праву человека.
4. Изменение сознания. Я считаю, что религиозное сознание человечества в целом меняется, и меняется оно в соответствии с нашим мироощущением. Вероятно, наша вера слабее, мы менее ревностны, чем те же доминиканцы, которые вполне искренне считали, что поскольку они ведут войну за души кафаров с самим дьяволом, в этой борьбе все средства хороши.

Сегодня мы более чутко относимся к человеческим страданиям (особенно после ужасов второй мировой и холокоста). Почему ценой спасения одних должна быть смерть или жестокие страдания других?

5. Трагичность И. в том, что слабость жизни духовенства сделала необходимой применение самых радикальных мер для того, чтобы вернуть разочарованную паству к христианству.
6. Неспособность убедить. Проигранный поединок умов ведет к реваншу с помощью грубой силы.

IV.

Основной мотивацией христианина должен стать не страх геенны огненной, а любовь и доверие к Богу. Мы не можем брать на себя осуществление Промысла Божия. Именно в этом нас обвиняют критики христианства. Необходимо направить усилия на исправление себя и Церкви, в той мере, в какой нам это дано.

Закончу эту статью тем, что мы приближаемся к опасной границе, когда недовольство верующих людей (как воцерковленных, так и стоящих на пороге Церкви) духовенством, недостатки в области религиозного образования, миссионерства, организации жизни общин приведет к тому, что Православие в нашей стране может уйти в прошлое.

Перефразируя цитату из известного кинофильма: “Вы иеговистов видите? ... А они есть!”.

-
- Использование насилия означает неспособность переубедить (в том числе личной жизнью).
 - Ответы: а) Не так много жертв (Кураев) б) Ц. непосредственно не участвовала в казнях. Предание “градским властям”. в) гипотеза религиозного прогресса. Никто из студентов семинарии еще не одобрил сожжение еретиков.

Необходимость High moral ground.

Полемика Иосифа с нестяжателями.

“Вы иеговистов видите? ... А они есть!”

Мф. 26:52-54 Взявший меч, мечом погибнет. Попытка осуществить действие во имя Бога, даже защитить Бога.